

КОЛОСЬЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА С 1918

СОДЕРЖАНІЕ:

Послѣ Ходынки — Василій Красновъ. Забытая символика стараго гаданія —
Вас. Пичета. Мой дѣдъ — Юрій Zubовскій. Варварская лира — Валентинъ Рож-
цынъ. О неизданныхъ стихахъ. Стихи — Георгій Шенгели, Василій Галаховъ,
Александръ Гатовъ, П. Шлейманъ. О книгахъ. Рисунки — Роданта, „Союзъ
Семи“, репродукціи старинныхъ гадальныхъ картъ, фронтисписъ, виньетки, кон-
цовки и др.

№ 15.

79411

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ „СОЮЗБАНКЪ“

ХАРЬКОВЪ, НИКОЛАЕВСКАЯ ПЛОЩ., № 9 (ПРОТИВЪ БИРЖИ) — ТЕЛ. 44-07 и 42-81.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ

ВКЛАДЫ, ТЕКУЩИЕ СЧЕТА, ПЕРЕВОДЫ, АККРЕДИТИВЫ, ИНКАССО.

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ %	на 1 годъ	5 ¹ / ₄ %
б) По вкладамъ: до востребованія . . .	5%	„ 2 года	5 ¹ / ₂ %
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5%	свыше 2 лѣтъ	по соглашенію.

ВЪ ЦѢЛЯХЪ ПРЕДОСТАВЛЕНІЯ ПУБЛИКѢ УДОБСТВЪ

СОЮЗОМЪ ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНИЕ

уголь Николаевской пл. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО
СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ

„СОЮЗЪ“

ХАРЬКОВЪ, МОСКОВСКАЯ УЛИЦА, 18.

:: ТЕЛЕФОНЪ 42-81.

ХАРЬКОВСКИЙ Кредитный Союзъ Кооперативовъ издаетъ для народа книги по разнообразнымъ отраслямъ знаний на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Книги издаются по исторіи Украины, природовѣдѣнію, сельскому хозяйству, политикѣ, коопераціи; школьные учебники для русской и украинской школы, пособія для учителей, словари и книги для дѣтей на русск. и украинск. языкахъ. Издаваемая Союзомъ литература общедоступная по цѣнѣ и имѣетъ цѣлью поднятіе народнаго сознанія и необходима для просвѣтъ, народныхъ библіотекъ и кооперативовъ.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

Исторія Слободської України.

Цѣна 6 руб.

проф. Д. І. Багалій.

Короткий нарис української мови,

Цѣна 1 р. 25 к.

О. Н. Сияевскій.

Мѣстные финансы,

Цѣна 2 р. 50 к.

А. П. Марковъ.

Начерк розвитку української літературної мови,

Цѣна 1 руб.

проф. М. Ф. Сумцов.

Древнѣйшая цивилизація въ Европѣ (Критско-Микенская культура),

Цѣна 2 р. 50 к.

проф. В. П. Бузескулъ.

Хрестоматія по українській літературі. Ч. І.

Цѣна 3 р. 25 к.

проф. М. Ф. Сумцов.

Школьное дѣло у древнихъ грековъ (по новымъ даннымъ),

Цѣна 1 р. 10 к.

проф. В. П. Бузескулъ.

Народный Домъ, его задачи и обществен. значеніе,

Цѣна 6 р. 50 к.

проф. В. Я. Данилевскій и А. А. Богомоловъ.

Природа и населеніе Слободской Украины, Харьковск. губ.

(пособіе по родиновѣдѣнію).

проф. В. И. Таліевъ, пр.-доц. А. С. Оедоровскій, Д. К. Педаетъ,

Цѣна 10 руб.

В. Г. Аверинъ и др.

Птицы—друзья человека,

Цѣна 3 р. 25 к.

Г. А. Брызгалінъ.

Кредитъ и его роль въ народномъ хозяйствѣ,

Цѣна 2 р. 35 к.

проф. М. Н. Соболевъ.

Азбука для взрослыхъ,

Цѣна 1 руб.

Рахмановъ-Николаевъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бумажные деньги,

Г. А. Трахтенбергъ.

Товаровѣдѣніе (пособіе для кооперативной школы и курсовъ),

Н. А. Классенъ.

„Вчимось писати“, початкова наука письма,

О. Н. Сияевскаго.

„Ясне сонечко“, книжка для першого навчання письменству.

Уложено гурткомъ слобожанъ при участіи

П. І. Новалевскаго.

„Ключикъ грамоты“, начальная грамматика по новому правописанию,

Н. П. Дашевскаго.

Русский букварь (новое правописание),

Н. П. Дашевскаго.

Состояніе и развитіе русскаго сельскаго хозяйства (по даннымъ ж.-д. перевозокъ и переписи 1916 г.),

А. Н. Челинцевъ.

Слобожане. (Исторично-этнографична розвідка).

Проф. М. Ф. Сумцов.

Кооперація въ Галичинѣ,

И. М. Хоткевичъ.

Заказы на изданія принимаются въ Книжномъ Складѣ „СОЮЗЪ“, открытомъ „Поюромъ“ и „Союзбанкомъ“ — Харьковъ, Московская, 18. :: Телефонъ 836.

Носатъ Ходынки.

(Разсказъ не до смерти растоптаннаго).

Печатаемый ниже отрывокъ разсказа Василия Краснова „Послѣ Ходынки“ представляетъ собою конецъ разсказа его, напечатаннаго въ журналѣ „Русское Богатство“ за 1910 г., № 8. По цензурнымъ условіямъ эта часть правдиваго разсказа „не до смерти растоптаннаго“ на Ходынкѣ не могла тогда появиться. Разсказъ „Ходынка“

былъ посланъ журналу „Русское Богатство“ Л. Н. Толстымъ, когда авторъ его, арестованный въ Харьковѣ, былъ на пути въ этапахъ Сибири; для Л. Н. Толстого, по его просьбѣ, онъ и былъ написанъ.

Весь разсказъ въ цѣломъ выйдетъ отдѣльной книжкой въ издательствѣ „Союзъ“ (Харьков. Кредитный Союзъ Кооперативовъ).

Словно въ горячемъ и душномъ колодцѣ, сидѣлъ я на постели своей мастерской вечеромъ того дня... Передъ глазами все ходило, и я нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Лежалъ ли, сидѣлъ ли—все словно горѣло подо мной... Я метался по всей нашей мастерской, въ фотографіи.

Выходилъ въ стеклянный павильонъ, на крышѣ: оттуда видна, какъ на ладони, Страстная площадь, часть Тверской и два конца бульваровъ: отъ Монастыря и отъ памятника Пушкина.

На площади огромное движеніе народа и жуткая молчаливость, нарѣдка прерываемая грохотомъ пожарныхъ повозокъ. Какая-то злобѣющая подавленность нависла и сѣяла ужасъ и жуть...

Носились тысячи слуховъ и толковъ, рисовались чудовищные размѣры Ходынской давки, говорили о ней, какъ о страшномъ несчастіи, считая его гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи Россіи...

Говорили, что всѣ дворы больницъ, участковъ и пожарныхъ частей завалены горами человѣческихъ тѣлъ,—живыхъ и мертвыхъ,—обморочныхъ и изуродованныхъ до неопиcуемости; что тамъ не успѣваютъ врачи и фельдшера разобрать одну кучу, какъ вырастаетъ другая, третья... И пожарныя, и ломовыя подводы—то и дѣло отъѣзжаютъ, подѣзжаютъ...

А за ними, вослѣдъ, туда ломятся обезумѣвшіе люди съ плачемъ и воемъ, причитаньями и ругательствами,—искать и узнавать своихъ!... Мѣшать работѣ врачей.

Говорили, что подѣ конецъ всего вспомнили о десяткахъ тысячъ солдатъ на самой Ходынкѣ въ лагеряхъ и пустили ихъ въ работу по очисткѣ поля отъ мертвыхъ! А отъ живыхъ людей очистить несчастное поле не догадались во-время,—тогда бы не было и мертвецовъ!

Очистка Ходынскаго поля была такая спѣшная, чтобы во-время и, несмотря ни на что, приступить къ исполненію программы гуляній...

И это было сдѣлано!

Тамъ вдали, за толпами народа, по широкому полю носились пожарныя и солдаты, собирали растоптанныхъ и задушенныхъ, швыряли ихъ въ пожарныя и ломовыя дроги.

А тутъ,—въ центрѣ гуляній, что противъ Петровскаго загороднаго дворца,—гремѣли оркестры, исполняя „Воже, царя храни“,—и разносилось временами „ура“, встрѣчая самого царя, приближающаго на гулянья,—какъ было заранѣе назначено,—словно ничего особеннаго не случилось!

И не звуки всенародной панихиды,—не „со святыми упокой“ скорбно разносилось по полю, гдѣ множество человѣческихъ тѣлъ еще остыть не успѣли,—а музыка оперы „Жизнь за Царя“...

Здѣсь прежде всего старались не замѣтить случившагося и отвлечь отъ него вниманіе у замѣтившихъ.

И стараніе было замѣчено отрезвѣвшей частью толпы, долго помнилось и не прощалось, какъ святотатство! Какъ злое надругательство надъ вѣрой и совѣстью народа...

* * *

Говорили, что теперь несдобровать генераль-губернатору великому князю Сергію Александровичу, что „его арестовалъ самъ царь“...

Вечеромъ того дня собралось много народа около памятника Пушкина; слагалось какое-то настроеніе, возникало ядро изъ студентовъ въ толпѣ, но ничего не случилось,—видимо, были приняты „свои мѣры“ къмъ-то...

Впрочемъ, Москва „чистилась“ не только внѣшне, но и внутренне,—задолго до коронаціи! Въ нашей фотографіи то и дѣло бывали случаи внезапнаго появленія заказчика-студента съ просьбою скорѣе изготovitъ его карточки,—много раньше очереди и срока...

Спросишь, бывало: въ чемъ дѣло? Что за спѣшка?... Не сразу понимая причину просьбы вначалѣ.

— Уѣзжать торопятъ!... Вонъ изъ Москвы.

— Какъ это,—почему?

— Неблагонадеженъ оказываюсь...

— Ну, а вы скажите, что уѣхать не можете, не на что, молъ!...

Смѣется... „На казенный счетъ охотно берутся отправить!.. Пріятнаго только мало съ ворами да проститутками путешествовать!“...

Но все же, на памятникъ Пушкина были мѣломъ написаны стихи, что въ Ходынкѣ виноваты—

„Сережа дурачокъ

Да Власовскій полячокъ“...

Вотъ на этомъ-то Власовскомъ и отыгрались тогда,—уволить въ отставку оберъ-полицмейстера Москвы,—грозу всѣхъ сонныхъ дворниковъ и зѣвающихъ извозчиковъ того времени. А съ великаго князя—какъ съ гуся вода, скатилась Ходынка!

* * *

Къ ночи со мною было худо, начался кошмаръ и бредъ, нервная горячка...

Я не могъ оставаться одинъ... Едва взгляну въ темный уголь, на стѣну, какъ—словно китайскія тѣни—выступаютъ ужасы видѣннаго, какая-нибудь тяжкая подробность давки: выпученные глаза беременной женщины, языкъ, или истолченное каблуками въ котлету

лицо дѣвушки съ бѣлой шеей и пышной косой; то услышу хрипы и крики предсмертные...

И я начиналъ кричать, срывался съ мѣста,—кидался куда попало, бился о стѣну и кровать...

И такъ было недѣли съ три.

За это время умерло уже много товарищей по мастерской и по улицѣ...

Спросишь только,—отчего?...

— Отъ Ходынки! Кашлялъ кровью все время.

— Отъ скоротечной чахотки... Страсть сколько съ нею умираетъ,—послѣ Ходынки всѣ на ладанъ дышатъ!...

Весь годъ коронаціи носилось дыханіе ладана надъ Москвой и окрестъ ея. Слова—*„умеръ въ коронацію“* и—*„умеръ послѣ Ходынки“*—были однозначущи, какъ обозначеніе времени какого-либо повѣтрія и смертности, сугубой въ памяти народной...

Долгое время и я „дышалъ на ладанъ“,—но молодость и крѣпость организма взяли свое.

* * *

Не было и всенароднаго покаяннаго погребенія жертвъ Ходынской катастрофы.

Но самое опознаваніе растоптанныхъ на Ходынкѣ, выставка тѣлъ ихъ,—было уже образцово обставлено и длилось долго.

Ближайшее кладбище къ Ходынкѣ—Ваганьково. Тамъ, между прочими мѣстами, я помню, былъ очень образцовый порядокъ и для мертвыхъ, и для живыхъ. Къ мѣсту временнаго упокоенія погибшихъ допускали съ большимъ разборомъ желающихъ поискать родныхъ и знакомыхъ среди выставленныхъ тѣлъ. Всѣ пропускались сквозь тучи полицейскихъ,—рядами выстроенныхъ отъ входа на кладбище и въ глубину его.

Строгости въ соблюденіи порядка движенія по кладбищу были большія; вездѣ были корридоры среди плотной стѣны полицейщины, и сбиться, нарушить порядокъ было трудно!

Павшіе лежали въ гробахъ, прибранные, вымытые, кто въ чемъ былъ поднятъ. Это облегчало опознаваніе, если не по лицамъ,—которыхъ у многихъ не было,—то по одеждѣ и вещамъ. У кого что было найдено въ карманахъ,—то и лежало на виду на груди и животѣ покойника...

Было много гробовъ съ такими вещами, что невольно вызывали улыбки и смѣхъ проходившихъ. Попадались иногда, напримѣръ, гроба, въ которыхъ на покойникахъ лежало множество кошельковъ, гренокъ, портсигаровъ, бумажниковъ...

Погибшіе карманники со своею поживой.

Добродушно шутя, вся проходящая публика жалѣла ихъ и величала „несчастненькими“ и „бѣдняжками“...

Если кого опознавали родственники и знакомые,—то имъ выдавался саванъ, и они получали гробъ для погребенія даромъ тутъ же

* * *

Размѣры свалки на Ходынкѣ могли быть больше, если бы не заранѣе была принята одна мѣра,—единственно благоразумная тогда

Было отдано распоряженіе запретить, кажется, съ полудня наканунѣ гуляній на Ходынкѣ,—всѣ фабрики и заводы и крупныя мастерскія—вмѣстѣ съ рабочими—и никого не выпускать до 10 часовъ утра.

Выходить же на гулянье предписывалось имъ въ стройномъ и строгомъ, чуть ли не солдатскомъ порядкѣ,—каждому заводу особо... И на одну сотню тысячъ душъ на Ходынкѣ было просторнѣй и жертвъ было меньше.

Помню циничное и холодное „правительственное сообщеніе“ о Ходынской давкѣ, гдѣ говорилось прежде всего со скорбью о томъ, что—„блестящее теченіе коронаціонныхъ празднествъ было омрачено“...

* * *

А дня за два передъ тѣмъ москвичи читали, что чрезвычайно сановная комиссія посѣтила Ходынское поле и осмотрѣла строенія народныхъ гуляній и нашла все хорошо устроеннымъ...

Ну,—а разъ такъ,—то и повалили валомъ!

Послѣ того, какъ правительству стали ясны размѣры давки, было назначено пособіе по тысячѣ рублей на погибшаго кормильца семьи.

На этомъ дѣлѣ полиція погрѣлась изрядно...

Заноза недовольства все глубже и глубже вгонялась въ народное тѣло.

Когда вскорѣ, тѣмъ же лѣтомъ, вдругъ разразилась первая всеобщая вокругъ Москвы забастовка рабочихъ,—то она казалась уже чѣмъ-то простымъ и понятнымъ послѣ Ходынки..

Вся Москва тогда говорила о ней... и о пропажѣ царя! Государь вдругъ исчезъ, и ничего о немъ не было слышно, гдѣ онъ... Такъ сразу послѣ шумящей коронаціи,—вдругъ перестали писать газеты, что дѣлается, и куда дѣлается царь. Оказалось послѣ, что, напуганный забастовкой, онъ скрылся въ подмосковное село Ильинское,—имѣніе великаго князя Сергія, гдѣ и пережидалъ недѣли три...

* * *

Ходынка была болѣзнью для народа, несчастіемъ,—которое учить, отъ котораго умиѣють, вырастаютъ внутренно.

Самодержавіе было черство и безжалостно къ народу; это показала ему Ходынка, и народъ почувствовалъ это больнѣе, чѣмъ когда описывали его скотину за подати...

Ходынкой правительство надругалось надъ душою народа,—его лучшими чувствами... И многіе и многіе вернулись съ Ходынскаго поля не тѣми, какими пошли туда. И много работниковъ партіи и революціи—родилось на Ходынкѣ. Другимъ оттуда вернулся и я... Получивъ свою кружку на Ходынкѣ изъ рукъ сосѣда-татарина, я не подъ образа поставилъ ее, а придя къ матери, оправившись немножко,—такъ грохнулъ кружку объ полъ,—что и эмаль отскочила, и больше она не попадалась мнѣ на глаза!

И послѣ Ходынки въ Москвѣ имя царское не пользовалось уже былымъ обаяніемъ.

А людямъ религіознымъ и суевѣрнымъ Ходынка казалась страшнымъ прообразомъ грядущаго лихолѣтя, знаменьемъ начала подобныхъ событій въ Россіи,—чѣмъ-то вродѣ *черной радуги*,—въ знакъ того, что *потопъ еще будетъ!*...

Ну, и наступили неурожайные годы, потомъ въ Полтавской и Харьковской губ. вспыхнули крестьянскіе беспорядки 1902—904 г.г., японская война и девятое января—и... такъ до ужаса нашихъ дней.

* * *

Осенью въ августѣ я былъ отпущенъ хозяиномъ въ деревню на поправку послѣ Ходынки.

Пѣшкомъ до своего села пошелъ, отдыхая въ попутныхъ деревняхъ; идти предстояло верстѣ полтора-два, желѣзной дороги къ намъ не было...

Осень была сухая и ясная,—звонкая...

Кроткой печалью сіяли обнаженные поля. Рубинами и янтаремъ мерцали деревья, вздрагивая и осыпаясь блеклой цвѣтной листвою... Вода сухо и рѣзко блестѣла на солнцѣ,—словно пустая, лишенная живительной теплоты, обнажая голые берега,—не сливаясь съ ними травой... И солнце уже не грѣло, а только освѣщало замирающую жизнь земли и воды...

Я помню одну избу съ раскрытыми окнами, въ какой-то деревнѣ за Нахабинимъ, по шоссе.

Ветхая. Крыша красиво проросла зелено-бурымъ мохомъ, а стекла играли переливами радуги на солнцѣ,—вродѣ нефтяного пятна на водѣ: такъ древни были они...

Въ окошкѣ сидѣла древняя-древняя бабушка съ васильковыми глазами, серебряными волосами и мѣднымъ, словно вычеканеннымъ лицомъ,—изрытымъ морщинами.

Я подошелъ.

— Бабушка, нѣтъ ли кваску попить?...

Она молча качаетъ головой, не глядя на меня.

Я взглянулъ дальше въ комнату... Посрединѣ потолка тянулась гибкая жердь, наклоняясь къ дальнему углу, а на ней повязана люлька съ пологомъ, унизаннымъ тучами мухъ... На полу ползали, перебирая цвѣтное тряпье самодѣльныхъ куколъ, двѣ дѣвочки, лѣтъ пяти и семи.

Хорошенькій бѣленькій мальчикъ лѣтъ трехъ спалъ у бабушки на колѣняхъ. Я не сталъ повторять просьбы...

— Бабушка, ты что же одна тутъ сидишь? А гдѣ же твои домашніе? Молотятъ?...

Она снова только покачала головой.

Въ комнатѣ стояла какая-то могильная жуть, сиротливость. На стѣнѣ висѣло нѣсколько одежинокъ и платьевъ, словно чужихъ и давно не тревожимыхъ рукою.

— Бабушка, ты что же, совсѣмъ одна?!

Она ничѣмъ не шевельнулась, словно не слышала... Я присѣлъ на заваленку.

Вскорѣ увидѣлъ, что идетъ дѣвочка къ этой избѣ съ блюдомъ въ рукѣ и съ кувшиномъ.

— Ты здѣшняя?—спрашиваю ее.

— Нѣтъ, мы сусѣды. Несу вотъ бабушкѣ обѣдать, картошку и щи.

— Она родная тебѣ?

— Нѣтъ... Она одна осталась съ ребятами... Ну, мы и кормимъ, пока есть чѣмъ. У ней задавили на Ходынкѣ сына съ невѣсткой и внука старшаго...

— На Ходынкѣ?! Вотъ оно что... То-то она какая, — словно полоумная, — все молчить.

— Да... никого не узнаетъ, кромѣ ребятъ своихъ... Только на ихъ голоса и жизнь изъ себя подаетъ. Ни съ кѣмъ ни слова, — все своихъ дожидается!... Гдѣ жъ дожидаться теперь ужъ, всѣ овраги и лѣса кругомъ очищены отъ мертвыхъ, а ихъ не нашли. Въ нашемъ лѣсу много подобрано было, да все чужихъ....

Деревня эта была верстахъ въ тридцати отъ Москвы.

Да, своихъ, видно, не дождалась и, — тысячи рублей за кормильцевъ и на сиротъ ихъ, — тоже не получила.....

* * *

Отдыхая въ деревнѣ, я услышалъ про писателя крестьянина С. Т. Семенова, который и пашетъ, и рассказы пишетъ, и вообще живетъ припѣваючи. Я пошелъ къ нему, чтобы провѣрить толки о немъ. Отъ него узналъ о Л. Н. Толстомъ и его религіозной проповѣди. Душа, растревоженная Ходынкой, уже распростилась съ самодержавіемъ.

Просыпалось отрицательное отношеніе и къ православію.

Прочтя нѣкоторые религіозныя сочиненія Л. Н. Толстого, изъ запрещенныхъ, я, зная только, что онъ живетъ гдѣ-то подѣ Тулой, — пришелъ въ почтовое отдѣленіе своего села, взялъ линейку и поставилъ ее на картѣ отъ села до Ясенокъ, провелъ легкую черточку карандашомъ и списалъ всѣ села и города, какіе попали на черту... А на утро, — тайкомъ отъ своихъ уже шагаль въ Тульскую губернію, въ Ясную Поляну!

....Встрѣчи съ Л. Н. Толстымъ привели меня сначала въ нелегальные кружки девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, потомъ въ Вятку, а оттуда въ Елисаветградъ на земледѣльческія артели Н. В. Левитскаго, какъ на работу, наиболѣе отвѣчавшую моимъ религіознымъ настроеніямъ. Потомъ, не прерывая нигдѣ и никогда кооперативной пропаганды и работы, — устраивалъ и ремесленные трудовыя артели рабочихъ, — я ходилъ дважды въ Сибирь, отсидѣлъ въ тридцати маленькихъ и большихъ тюрьмахъ Россіи и Сибири, работая надъ созданіемъ Всероссийскаго Крестьянскаго Союза, какъ братской и трудовой коопераціи на всѣ случаи жизни крестьянина.

Вотъ куда привела меня Ходынка!

А многихъ другихъ — и еще дальше.

Василій Красновъ.

К о р а б л ь.

Пахнетъ смолою и дубомъ подѣ куполомъ темнаго дока, круто и кругло осѣлъ кузовомъ грузнымъ корабль. Быстрый топоръ отдираетъ обросшую мохомъ обшивку, твердыя ребра цвѣтутъ ржавчиной старыхъ гвоздей.

— Эй, проберемся въ пробоину. Душно въ незрячемъ трюмѣ.

Днище набухло водой. Тупо стихаютъ шаги. Чую пугливой рукой прикрѣпленные къ стѣнкамъ кольца: въ ревѣ тропическихъ грозъ здѣсь умирали рабы.

Гдѣ-нибудь: Тринидадъ, Вера-Круцъ, Пондишерри, Макао, низкій болотистый берегъ, тяжкій расплавленный зной,

дальнія горы дышать, клубясь вулканныю зыбью, и неколеблемый штиль высосалъ жизнь парусовъ. Въ тѣсной каютѣ надъ картой сѣдой сидитъ суперкарго,

Глухъ онъ; не слышенъ ему тяжкій и сдавленный стонъ, что точно паръ проникаетъ дубовыя доски палубъ: въ трюмѣ сквозь желтый туманъ желтая движется смерть.

Крысы по палубѣ брызнули топотомъ быстрыхъ лапокъ, прыгаютъ въ волны, плывутъ. На кораблѣ тишина.

Только на главной шлюпкѣ, мучась упорной греблей, куча матросовъ влечетъ ветхимъ канатомъ корабль.

День, и другой, и недѣля. Штиль неподвиженъ, какъ скалы.

Порванъ буксиръ, и ладья мчится къ роднымъ берегамъ.

Только лицо рулевого становится блѣдно-шафраннымъ, только и юнга дрожитъ, чуя послѣдній ознобъ.

Тамъ же, гдѣ брошенъ корабль, не слышно ни стука, ни стона.

Бокомъ на Западъ плыветъ, тайнымъ теченіемъ влекомъ,

точно стремится догнать отрѣзы шафраннаго шара, что уплываетъ за грань сѣять шафранную смерть.

— Эй, вотъ, ржавчина эта, что пачкаетъ наши пальцы, это не тлѣнье ли тѣхъ, чьею могилой былъ трюмъ, это не старое ль золото дальнихъ горъ Эльдорадо, что, растворившись въ крови, красный развѣяло прахъ.

Быстрый топоръ стучитъ, отдирая гнилую обшивку.

Въ черную рану борта свѣтитъ лазурная даль.

— Эй, посидимъ здѣсь еще: ты любишь бродить по кладбищу, —

сладостны будутъ тебѣ нѣдра бродячихъ могилъ.

Георгій Шенгели.

* * *

Разгулявшійся апрѣль
Пышно вывезъ въ скверахъ зелень.
Вешній день безпечно-хмѣленъ,
Какъ влюбленный менестрель.
Кисеей прозрачно-тонокъ
Чистый воздухъ. И земля,
Какъ любовница спросонокъ,
Улыбается шала.
Но всего нѣжнѣй и краше
Голубые вечера.
Въ голубой небесной чашѣ
Пурпуровая игра.
Вѣрно, это пьяный Богъ
Выжегъ пламенные зори,
Чтобъ въ сіяющей амфорѣ
Вскипятить душистый грогъ!

П. Шлейманъ.

Воскресный разговоръ.

Сегодня отдыхаю. День воскресный.
Спокойно, какъ на океанскомъ днѣ.
Сижу я съ черепомъ наединѣ,
и разговоръ зяетъ безсловесный.

— „Съ тобой мы, желтый собесѣдникъ, оба
мертвѣй, чѣмъ суздальскіе образа...“ —
И въ темныхъ ямахъ—челюсть и глаза—
змѣей клубится сдавленная злоба.

Смѣется черепъ,—лишь не напоказъ.
Онъ живъ, онъ живъ! Онъ—кость, онъ—вещь, онъ
нуженъ.

А мы?

Въ глазахъ—кутья, и скорбный ужинъ
родныхъ, когда уже не будетъ насъ.

1918, III.

Александръ Гатовъ.

* * *

Когда кощунственный костеръ,
На нашей родинѣ зажженный,
Вдругъ догоритъ — наперекоръ
Исторіи ожесточенной,

И птицы смерти замолчатъ,
И станетъ смертный долъ веселымъ —
Потянется тлетворный чадъ
По изуродованнымъ селамъ,

И въ этомъ сумрачномъ чаду
Томясь,—мы различимъ не сразу
Сжигающую всю заразу
Большую, бѣлую звѣзду.

Ея цѣлебные лучи,
Ея небесное дыханье
Разбудятъ вѣтровъ колыханье
И двинутъ спавшіе ключи.

И вспомнивъ, кто Единый правъ,
Мы вскрикнемъ: Господи! откуда?!
И зарыдаемъ, какъ Іуда,
Серебренники разбросавъ.

1916.

Василій Галаховъ.

Забытая символика старого гадания.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО лѣтъ 80—100 назадъ въ Россіи были въ употребленіи, правда не особенно частомъ, особыя карты, исключительно предназначенныя для гаданій. Эти карты не имѣли ничего общаго какъ съ обыкновенными игральными картами, издавна примѣнявшимися и для гаданія, такъ и съ такъ называемыми „гадальными картами“ новѣйшаго производства, исполненными въ самомъ пошломъ обывательскомъ стилѣ и къ тому же,

напрасивающагося объясненія того или иного образа, что съ перваго взгляда кажется слишкомъ произвольнымъ, и только послѣ нѣкотораго размышленія начинаешь понимать, что такое толкованіе образа много, если можно такъ выразиться, правильнѣе и, во всякомъ случаѣ, тоньше. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ, правда, единичныхъ случаяхъ карты отдають дань обыденности и допускають общепотребительную символику.

Приведу для примѣра описаніе нѣкоторыхъ картъ, наиболѣе интересныхъ по тому значенію, какое приписывается изображенному на нихъ.

Самая мрачная карта, предсказывающая внезапное и большое несчастье, символизируется вѣщей и таинственной птицей, но не традиціоннымъ филиномъ или ворономъ, а чернымъ, строго спокойнымъ ястребомъ (ястребъ—очень древній символъ, встрѣчающійся, между прочимъ, въ старо-испанскомъ гаданіи).

На картѣ изображенъ цвѣтникъ, блещущій всеми красками,—казалось бы, это карта, сулящая радость, счастье,—вовсе нѣтъ, ибо эта карта говоритъ о необходимости воздержанія и настоятельно совѣтуетъ гадающему, подъ угрозой большихъ неприємностей, сдерживать свои страсти и подчинять ихъ разсудку.

Карта представляетъ собою фазана съ красивымъ многоцвѣтнымъ хвостомъ,—она предвѣщаетъ неудачу въ самыхъ вѣрныхъ случаяхъ, ибо, добавляетъ мудрое толкованіе, фазанъ птица хотя и съ красивыми перьями, но неприємнымъ голосомъ.

Карта, изображающая розу, вопреки обычному представленію вовсе не готовитъ намъ радостей, но грозитъ разлукой съ близкими или неприємнѣйшими хлопотами; объясненіемъ такому необычному толкованію является, по указанію гаданія, то обстоятельство, что „нѣтъ розы безъ шиповъ“, и что счастье всегда неразлучно съ несчастьемъ.

Довольно обычно толкованіе карты подъ названіемъ „хамелеонъ“—она говоритъ о какомъ-либо двуличномъ и коварномъ чловѣкѣ; вызываетъ только недоумѣніе, какимъ путемъ столь мало извѣстное у насъ животное оказалось въ числѣ символическихъ образовъ на гадальныхъ картахъ.

Очень интересно сравнить значеніе карты, изображающей слона, съ тѣмъ общераспространеннымъ значеніемъ, какое приписываетъ этому животному суевѣріе нашихъ обывателей, устанавливающихъ въ своихъ квартирахъ цѣлые ассортименты съ крайнимъ безвкусіемъ исполненныхъ изъ металла или фарфора слониковъ.

Если популярныя взгляды приписываютъ слоновымъ фигуркамъ, въ особенности въ числѣ 7-ми или 13-ти, способность приносить счастье, то гадательныя карты, быть можетъ, заимствовавшія этотъ образъ съ Востока (Въ Индіи богъ Ганешъ съ головой слона—добрый покровитель наукъ и искусствъ и вообще осмысленнаго и напряженнаго труда), не рѣшаются высказывать столь категори-

Старинныя карты, 35.

„ГИСПАНЕЦЪ“.

несмотря на свое специальное назначеніе, лишенными всякой символики.

Эти старыя гадальныя карты въ настоящее время позабыты настолько основательно, что, когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытался получить какія-либо свѣдѣнія о нихъ, оказалось, что память о нихъ вовсе изгладилась, и я совсѣмъ было потерялъ надежду возстановить хотя какія-нибудь черты стариннаго гаданія.

Къ счастью, вполнѣ дѣло оказалось не столь безнадежнымъ, и послѣ довольно продолжительныхъ розысковъ въ библиотекѣ Московскаго Историческаго Музея и частной библиотекѣ А. А. Р. мнѣ удалось въ достаточной ясности возстановить процессъ стариннаго гаданія и ту своеобразную и по-своему значительную символику, которая заключалась въ помѣщенныхъ на картахъ изображеніяхъ.

Подлинниковъ картъ, или хотя бы копій, рисунковъ съ нихъ мнѣ разыскать не удалось, но, послѣ долгихъ поисковъ, я все же располагалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже довольно подробными описаніями того, что было изображено на каждой картѣ.

Согласно этимъ описаніямъ я и попытался возстановить эти позабытыя гадальныя карты, примѣняясь въ ихъ композиціи какъ къ ихъ примитивному стилю, такъ и къ ихъ символикѣ, частью, быть можетъ, занесенной съ Востока.

Всѣхъ картъ 36. И всѣ онѣ очень своеобразны. Въ нихъ нѣтъ обычныхъ затасканныхъ традиціонныхъ символовъ—„старыхъ королей“ и „молодыхъ валетовъ“, брюнетовъ и блондиновъ, дамъ и „пиковыхъ неприємностей“.—Ихъ символы просты, строгі и, пожалуй, значительны.

Происхожденіе помѣщенныхъ на картахъ образовъ темно, и о немъ можно только догадываться и предполагать. Нѣкоторые символы происхожденія несомнѣнно сравнительно недавняго, другіе вѣроятно насчитываютъ цѣлые вѣка, а, быть можетъ, и тысячелѣтія со дня своего первоначальнаго возникновенія. Одни изъ нихъ, быть можетъ, мѣстнаго происхожденія, другіе занесены къ намъ скорѣе всего съ Востока.

Изображенные на картахъ рисунки отличались большимъ разнообразіемъ—тутъ были люди, звѣри и птицы, цвѣты, картины природы и неодушевленные предметы; на нихъ были изображены и вещи общеизвѣстныя и настолько „экзотическія“, что совершенно становишься втупикъ при попыткѣ объяснить себѣ, какимъ путемъ тотъ или иной образъ могъ попасть къ намъ.

Примѣненіе помѣщенныхъ на картахъ символическихъ рисунковъ также отличается своеобразіемъ. Помимо того, что значеніе карты, безъ отношенія къ тому, что на ней изображено, измѣняется въ зависимости отъ положенія ея среди другихъ картъ иногда даже на противоположное,—и самое толкованіе изображеннаго на картѣ иногда бываетъ настолько сложно и далеко отъ обычнаго само-собой

Старинныя карты, 36.

АМАЗОНКА.

ческія сужденія. Правда, по толкованію гадательныхъ картъ, участіе въ гаданіи изображающей слона карты считается признакомъ благоприятнымъ, но она разматривается, какъ предзнаменованіе благополучія, достигаемаго лишь какъ результатъ чрезвычайной настойчивости и твердости характера. Насколько послѣднее толкованіе образа тоньше и, пожалуй, болѣе соотвѣтствуетъ характеру животного, послужившаго основаніемъ для этого образа.

Самое гаданье производится слѣдующимъ образомъ.

Послѣ обычной перетасовки картъ ихъ даютъ снять лицу, о которомъ гадаютъ, и раскладываютъ ихъ на четыре ряда по девяти картъ въ каждомъ ряду. Если „вопрошающій“ (тотъ, о комъ гадаютъ) мужчина—главное вниманіе обращаютъ на карту подъ названіемъ „Гишпанецъ“, которая въ этомъ случаѣ и обозначаетъ самого вопрошающаго; гадающую женщину обозначаетъ карта, называемая „Амазонка“.

Карты, лежащія надъ головой „Гишпанца“ или „Амазонки“, и три ближайшія съ каждой стороны—имѣютъ наибольшее значеніе при толкованіи гаданія. Отъ ихъ расположенія по отношенію къ главной картѣ (Гишпанцу или Амазонкѣ), а также отъ ихъ взаимнаго отношенія другъ къ другу зависитъ все содержаніе производи-

маго гаданія. Иногда, казалось бы, самое незначительное измѣненіе въ расположеніи этихъ картъ самымъ существеннымъ образомъ мѣняетъ значеніе всего гаданія. Карты, лежащія на болѣе далекомъ разстояніи отъ главной карты, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ уже второстепенное значеніе и служатъ, главнымъ образомъ, для уясненія смысла болѣе важныхъ картъ, которыя онѣ окружаютъ. Наименьшее вліяніе на характеръ гаданія оказываютъ карты, расположенныя по идущимъ отъ главной карты діагоналямъ.

Въ сохранившихся описаніяхъ картъ приведено какъ основное значеніе каждой карты, такъ и всѣ измѣненія этого значенія при тѣхъ или иныхъ комбинаціяхъ.

Вас. Пичета.

Мой дѣдъ.

Въ далекой Сибири, въ губернскомъ городѣ Тобольскѣ, жилъ мой дѣдъ Константинъ Ивановичъ.

Владѣлъ онъ тысячу душъ крѣпостныхъ, большими землями, расположенными подъ самымъ городомъ, нѣсколькими домами на главной улицѣ города, подъ

Старинныя карты, 20.

ЦВѢТНИКЪ.

Архіерейской горой, считался помѣщикомъ зажиточнымъ и среди окрестныхъ и городскихъ баръ пользовался уваженіемъ и почетомъ.

Осанистый, крѣпкій, казалось, сколоченный изъ барочныхъ деревянныхъ брусевъ, съ надменнымъ, немного тяжелымъ взглядомъ, бросался онъ въ глаза, когда лѣтомъ въ бричкѣ, а зимой въ просторномъ, низкомъ возкѣ, разъѣзжалъ по городу въ сопровожденіи двухъ, а иногда и больше, дворовыхъ.

Любилъ онъ лѣтомъ наѣзжать въ пригородную мѣстность „Подчуваши“, на берегъ Иртыша.

Въ мѣстность, которая испоконъ вѣковъ славилась великолѣпными раками, въ изобиліи вылавливаемыми здѣшними рыболовами.

Двадцати лѣтъ отъ роду женился Константинъ Ивановичъ на дѣвицѣ Котовой, дочери купца—дѣвицѣ веселой и хорошенькой.

Первый сынъ Григорій родился черезъ годъ послѣ женитьбы моего дѣда, но однажды лѣтомъ, отпущенный съ нянькой Ѳеклой въ Подчуваши на прогулку, по недосмотру няньки упалъ въ Иртышъ, и тѣло его, распухшее и синее, нашли только черезъ нѣсколько дней рыбаки, случайно выловивъ его неводомъ въ рѣкѣ.

Няньку Ѳеклу дѣдъ мой убилъ.

Когда Григорій упалъ въ рѣку и, даже не вскрикнувъ, камнемъ пошелъ ко дну, нянька заголосила, рвала на себѣ платье и волосы, каталась въ изступленіи по берегу и съ большимъ трудомъ была доставлена по приказанію дѣда домой и приведена въ его кабинетъ.

Дѣдъ уже зналъ о смерти сына и внѣшне перенесъ извѣстіе это удивительно покойно, прикрикнувъ даже на стонущую отъ горя и отчаянья жену.

Только складка, длинная и неровная, прорѣзала высокій лобъ дѣда и искажала красивыя черты его лица, придавъ имъ „особенно тяжелый и грозный оттѣнокъ“.

Старинныя карты, 26.

АСТРОЛОГЪ.

Когда привели Ѳеклу въ кабинетъ, дѣдъ сидѣлъ въ массивномъ старинномъ креслѣ около письменнаго стола и, какъ будто въ забытѣ, глядѣлъ въ окно.

Потомъ, услышавъ визгливыя причитанія и порывистые вздохи Оеклы, вздрогнулъ, грузно поднялся съ кресла, приказалъ всѣмъ выйти и, оттолкнувъ ногой валяющуюся на полу Оеклу, медленно снялъ со стѣны ружье и, ни слова не говоря, прицѣлился въ нее, обезумѣвшую и застывшую отъ ужаса.

Старинныя карты, 14.

ХАМЕЛЕОНЪ.

Стрѣлялъ дѣдъ хорошо и убилъ Оеклу наповаль. Взмахнула она руками и замерла, обмазавъ полъ кровью, полившеюся изъ раны въ переносѣ. Крикнулъ дѣдъ дворовыхъ. Молча вошли они, молча взяли тѣло Оеклы и вынесли его прочь изъ кабинета, а пятно кровавое на полу смыли и высобили.

Похоронили Оеклу черезъ два дня, похоронили тайкомъ отъ дѣда, поздно вечеромъ.

Дѣла противъ дѣда, конечно, никакого не возникло, и даже, какъ говорятъ, исправникъ, ужиная въ клубѣ, удивлялся, почему дѣдъ пристрѣлилъ Оеклу, а не приказалъ заporоть ее или голую, вымазавъ медомъ и связавъ, не положилъ ее въ кухнѣ въ видѣ угощенія мошкарѣ.

Григорія торжественно похоронили.

Причитала и билась въ истерикѣ мать его, были устроены и поминки.

Казалось, все было кончено, и время само заставитъ позабыть дѣда о сынѣ, не говоря уже про Оеклу.

Но случилось совсѣмъ не такъ.

Тяжелая туча повисла надъ дѣдовскимъ домомъ.

Приутихла дворня, осунулась и поблѣднѣла жена дѣда, а самъ онъ сталъ грознымъ и страшнымъ, ходилъ молча и грузно по комнатамъ и отдавалъ приказанія такимъ голосомъ, что всѣ боялись пропустить хоть одно слово.

Нетребовательный прежде къ дворнѣ, онъ сдѣлался теперь дикимъ и суровымъ.

За малѣйшее ослушаніе билъ ременной плетью съ острыми шипами, билъ прямо по лицу, оставляя на лицѣ избиваемаго длинныя багровыя полосы и глубокія, трудно заживающія, раны.

Но самое ужасное началось мѣсяца черезъ два послѣ трагической смерти Григорія.

Рано утромъ изъ дѣдовскаго кабинета послышался крикъ:

— Парфенъ (Парфеномъ звали любимаго камердинера дѣда), водки!

Не пилъ раньше дѣдъ и не любилъ пьяницъ, но никто не удивился его приказанію, потому что давно перестали удивляться.

На подносѣ принесъ Парфенъ дѣду хрустальный графинъ съ водкой и любимую дѣдовскую закуску — черную зернистую икру.

Дѣдъ лежалъ на широкой рѣзной кровати.

Молча бросилъ онъ на полъ тарелку съ икрой, схватилъ графинъ и началъ пить водку рюмка за рюмкой, жадными, захлебывающимися глотками.

Выпитый графинъ Парфенъ снова наполнилъ, и дѣдъ пилъ, не переставая, пока не засыпалъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ.

Такъ шло изо-дня въ день.

Вставалъ дѣдъ только для того, чтобы на тройкѣ бѣшенно промчаться по улицамъ, или самъ шелъ въ кухню, избивая дворовыхъ плетью.

Иногда ночью приказывалъ онъ Парфену привести къ нему жену и, когда приходила она, дрожащая и испуганная, принуждалъ онъ ее дѣлать съ нимъ супружеское ложе, издѣваясь надъ ея женской стыдливостью передъ Парфеномъ и заставляя ее пить водку большими стаканами.

Пробовали вмѣшиваться родные жены, но ничего не вышло, потому что дѣдъ приказалъ не пускать ихъ въ домъ и грозилъ застрѣлить перваго пришедшаго.

Осенью, подъ утро, когда Парфенъ задремалъ у дверей кабинета, нечеловѣческой, надрывной крикъ разбудилъ его.

Вбѣжалъ Парфенъ въ кабинетъ и увидѣлъ, что дѣдъ, сидя на кровати, съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ, смотритъ на полъ и протяжно стонетъ.

Увидавъ Парфена, дѣдъ вскочилъ и, схвативъ камердинера за рукавъ, началъ кричать:

— Пятно... Вытри пятно... Вытри пятно!..

Не понявъ Парфенъ сначала, о какомъ пятнѣ говорить дѣдъ, испугался, но дѣдъ, не выпуская рукава его, кричалъ изступленно:

— Вытри пятно!.. Видишь Оеклину кровь?... Вытри ее, мерзавецъ!..

И вдругъ въ бѣшенствѣ схватилъ плетъ съ шипами и началъ бить ею по полу, пока не упалъ обезсиленный, съ пѣной у рта.

Съ этого утра почти каждый день мерещилась дѣду Оеклина кровь, и Парфенъ долго и старательно вытиралъ мѣсто на полу, указываемое дѣдомъ, пока не успокаивался безумный и не засыпалъ тяжелымъ бредовымъ сномъ.

Въ это же время родился у жены дѣда сынъ — мой отецъ, и былъ крещенъ Николаемъ.

Дѣдъ даже не взглянулъ на него.

Старинныя карты, 19.

ВОДОПАДЪ.

Черезъ два дня, когда жена послѣ трудныхъ родовъ лежала въ кровати слабая, полуживая, приказалъ дѣдъ запрячь возокъ и, войдя въ спальню жены, поднялъ ее съ кровати и потребовалъ, чтобы она ѣхала съ нимъ.

Покорная, пробовала она пойти, но не могла.

Тогда велѣлъ дѣдъ дворовымъ вынести ее и положить въ возокъ, не надѣвая на нее шубы.

Лютый вѣтеръ кружился по улицамъ, и лихо плясала мятелица, вороша снѣговые сугробы.

— Въ Подчуваши! — крикнулъ дѣдъ кучеру, хотя ни разу со смерти Григорія не бывалъ онъ въ этой мѣстности.

Понеслась тройка подъ переливистое, удалое пѣніе бубенцовъ, миновала городъ и вдругъ остановилась по приказанію дѣда на берегу Иртыша около проруби.

Схватилъ дѣдъ жену за руку, но рука упала, и изъ-подъ полузакрытыхъ вѣкъ смотрѣли на дѣда мертвые стеклянныя глаза.

Тогда усмѣхнулся онъ, вышелъ изъ возка и сказалъ:

— Если ты не хочешь, такъ я пойду за Гришей, — подошелъ къ проруби и, какъ былъ въ шубѣ, бултыхнулся въ воду.

Когда опомнился кучеръ, было уже поздно думать о спасеніи дѣда.

Долго шарили баграми мужики, но такъ и не нашли тѣла.

Только преданіе сохранилось въ тамошнихъ мѣстахъ, что каждый годъ въ студеныя декабрьскія ночи надъ прорубью Иртыша въ Подчувахахъ поднимается фигура дѣда, покрытая толстой ледяной корою, и протяжнымъ голосомъ кличетъ своего ненаглядного первенца — Гришеньку.

Зоветь пѣжно и ласково, пока не заалѣетъ робко востокъ и, возвѣщая приближеніе новаго дня, не пропоютъ третьи пѣтухи.

Въ рыбацкихъ хижинахъ, прилѣпившихся на отлогомъ берегу, древнія старухи подолгу не спятъ въ эти студеныя, व्यужныя ночи и, пугливо слушая дикія завыванія бездомнаго скитальца вѣтра, торопливо крестятся и шепчутъ — сухими, провалившимися губами:

— Упокой его грѣшную душу, Господи Иисусе-Христе... Прости ему прегрѣшенія тяжкія, прости его, окаяннаго...

Шепчутъ и, вздрагивая, чутко прислушиваются — какъ надъ прорубью стонетъ несчастный дѣдъ и до разсвѣта напрасно зоветь любимаго Гришеньку.

Юрій Zubовскій.

Варварская аура.

Въ послѣдній разъ — опомнись, старый міръ!
На братскій пиръ труда и мира.
Въ послѣдній разъ на свѣтлый братскій пиръ
Сзываетъ варварская лира!

Александръ Блокъ. (30/I—1918).

I.

ИСКУССТВО не знаетъ мирнаго прогресса. Оно развивается путемъ революціонной діалектики утвержденій и отрицаній, великихъ катастрофъ, переходовъ отъ эстетическаго варварства къ спокойному сіянію классицизма.

Теперь, конечно, нѣтъ классицизма. Теперь искусство вошло въ потокъ варварства, разрушенія старыхъ формъ и дерзкаго исканія невоплощенной красоты.

Въ послѣдній разъ русское искусство переживало эпоху варварства 150 лѣтъ тому назадъ. Сѣверные „скифы“ узнали о томъ, что есть въ мірѣ величественная красота аристократическаго искусства, ставшаго общеевропейскимъ достояніемъ. Они съ презрѣніемъ отвергли національную литературу и староотеческія преданія византійскаго религіознаго символизма. Они бросились въ потокъ французско-эллинской утонченности, не подозревая о томъ, что грубыми мозолистыми руками разрываютъ покровы тончайшей упадочнической красоты.

Когда французская монархія, въ ореолѣ придворнаго условно-изящнаго искусства, изживала себя, російская монархія и ея дворцовая культурность только начинала свой путь. Въ глубинѣ рожденія русской литературы заключается трагическое противорѣчіе. Отъ гаснущаго свѣта западнаго псевдоклассицизма зажглась на Сѣверѣ тусклая лампада эстетическаго варварства.

Пѣнорожденная изъ эгейской лазури Афродита въ стихахъ Ломоносова родилась въ голубой морозной проруби Ледовитаго океана. Нептунъ съ трезубцемъ, цѣпнящій на берегу Невы, наивныя Хлои въ русскихъ избахъ, нимфы въ бѣлыхъ клубахъ снѣговой мятели, Плутонъ въ кедровыхъ лѣсахъ и дикихъ ущельяхъ Урала, и музы въ деревянныхъ, штукатуренныхъ подъ мраморъ дворцахъ Елагина острова — какъ это было наивно и первобытно дико въ смѣшеніи французскаго декаданса и русскаго варварства!

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ раннемъ варварствѣ зрѣли богатые зародыши будущаго русскаго національнаго искусства.

Особенность классически-зрѣлаго и законченнаго искусства въ томъ, что оно всегда національно. Оно не можетъ быть общечеловѣческимъ, потому что доводитъ до совершенства народныя литературныя формы, шлифуетъ и истончаетъ языкъ, создаетъ величественный эстетическій реализмъ сближенія съ жизнью, вѣрнаго отраженія ея въ искусственной красотѣ. И, наоборотъ, декадансъ и варварство интернациональны. Обычно художественный декадансъ является привилегіей высшихъ господствующихъ классовъ. Литература, начавшаяся въ народныхъ низахъ, въ первоисточникахъ простыхъ и безхитростно творящихъ душъ, постепенно подымается до общественныхъ вершинъ, тамъ находитъ высшія формы своего изящества и уединенности отъ жизни. Потомъ снова низвергается въ клокочущее варварство мятежнаго народнаго исканія красоты.

Национальному классицизму свойственна вѣрность жизни. Поэтому искусство классическое — вѣчно. Аѳинскій классицизмъ въ Греціи конца пятого вѣка сталъ вѣчнымъ образцомъ совершеннаго искусства, потому что выражалъ всемъ людямъ понятныя формы жизни, воплощалъ человѣка. Русский классицизмъ половины 19-го вѣка, оторвавшійся отъ ложнаго варварства перевоплощенія французской аристократической литературы, создалъ не менѣе совершенныя формы литературнаго реализма, преодолевая въ процессѣ его созданія лихорадочное безуміе романтизма.

Кромѣ преобладанія національных эстетическихъ началъ и реализма, классицизму свойственна еще одна черта: величественное спокойствіе, уравновѣшенность духа, могучее здоровье мысли и созерцанія міра. Нѣтъ сомнѣній, нѣтъ трагической раздвоенности, но есть строгая убѣжденность, что національно-классическое, реалистическое искусство, проникнутое „этосомъ“, созерцательной самоувѣренностью, — единственно истинное, единственно правильное

искусство, что оно создает вѣковѣчные каноны, что оно завершаетъ собой звенья развитія красоты, что все дальнѣйшее развитіе будетъ неправильнымъ и больнымъ, если уклонится отъ него.

Ни одна національная классическая литература не знала болѣе яркаго сіяющаго средоточія, чѣмъ русская литература въ Пушкинѣ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одна литература не погрузилась въ болѣе неподвижность, благодаря великому счастью внезапнаго разрѣшенія всѣхъ проблемъ и всѣхъ задачъ. Казалось, что путь искусства законченъ. И поэтому нигдѣ въ мірѣ новыя теченія не встрѣчали болѣе жестокаго, болѣе упорнаго непониманія, болѣе страстнаго сопротивления, чѣмъ въ Россіи.

Старинныя карты, 29.

ЯСТРЕБЪ — НЕСЧАСТЬЕ.

Даже болѣе того. Когда Западъ уже давно ушелъ къ исканію новыхъ формъ отъ классическаго реализма, въ Россіи не только не было движенія впередъ отъ Пушкина, но началось несомнѣнное паденіе, сравнительно съ нимъ, и причиной этому тенденціозно-общественная литература. Тенденціозно-общественное искусство, формально примыкавшее къ классицизму, а по существу имѣвшее смыслъ его вырожденія въ публицистику, было ложнымъ потому, что отражало въ себѣ филантропію господствующихъ классовъ по отношенію къ угнетеннымъ.

Вся либерально-тенденціозная публицистика подъ ярлыкомъ литературы построена на ложномъ принципѣ сожалѣнія и состраданія къ угнетеннымъ, къ низшимъ, къ раздавленнымъ социальными жерновами людямъ. Лубочно идеализируя людей изъ народа, литераторы-общественники умаляли достоинство свободной красоты.

II.

Первое преодоленіе классицизма, не въ смыслѣ отрицанія его, а въ смыслѣ движенія впередъ отъ него, началось, когда русская литература, возникшая изъ псевдоклассическаго варварства и перешедшая эпоху зрѣлаго совершеннаго классицизма, изжившая уродливыя формы народнической публицистики, нашла новый путь, но не къ подъему, а подъ уклонъ, къ неизбежному упадочничеству, къ декадансу.

Конечно, сознательное декаденство не имѣло въ Россіи никакого реальнаго смысла. Оно ничего не дало ни въ поэзіи ни въ живописи, оно быстро вульгаризовалось, влилось въ толпу, растворилось въ ней, не сохранивъ въ памяти ничего, кромѣ болѣзненной мечтательности и хрупкой романтики сумеречныхъ фантазій.

Но гораздо значительнѣе та вѣтъ декадана, которая впервые вылилась въ формы символизма и зародилась въ литературныхъ кругахъ Москвы.

Московский символизмъ 90-хъ годовъ былъ первымъ рѣшительно смѣлымъ отрицаніемъ окаменѣвшаго и неподвижнаго искусства. Это проявилось хотя бы въ томъ, что пушкинскій классицизмъ сталъ для него предметомъ заботливаго пѣтета. Для Мережковскаго Пушкинъ былъ такъ же далекъ, такъ же недостижимъ, какъ греческій классицизмъ. Пушкинъ сталъ такимъ же историческимъ явленіемъ въ развитіи классицизма, какъ Державинъ въ развитіи ранняго русскаго литературнаго варварства.

Упадочнический символизмъ проявилъ въ себѣ всѣ черты, свойственныя каждому культурному декадансу. Онъ былъ проникнутъ аристократизмомъ, экзотикой, онъ не чувствовалъ народной національной красоты, онъ возводилъ болѣзненность и индивидуализмъ въ священный законъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ напоенъ предчувствіями своего конца, своего паденія, завершенія, перехода къ какому-то новымъ неизвѣданнымъ формамъ искусства.

Всѣ великіе художники современности зародились изъ символизма. Тѣ, кто остался внѣ его круга, были слабыми эпигонами пушкинскаго классицизма и народнической тенденціозности. Но, какъ завершительная эпоха внутренняго разложенія русской литературы, ея движенія къ кризису и новому варварству, символизмъ былъ недолговѣченъ.

Символизмъ былъ проникнутъ аристократизмомъ, прежде всего чисто внѣшнимъ, социальнымъ. Когда погибла придворная варварская литература, когда изсякла дворянская классическая литература, на очереди стала литература буржуазная, — купеческой Москвы.

Конечно, случайность, что философъ декаденства Левъ Шестовъ — крупный мануфактуристъ. Случайность, что Валерій Брюсовъ происходитъ изъ стараго московскаго купеческаго рода. Но не случайность, что Мамонтовъ въ своихъ особнякахъ пріютилъ Врубеля и былъ меценатомъ въ томъ глубокомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ античные покровители искусства содѣйствовали развитію римскаго декадана. Не случайность, что Дягилевъ показалъ французамъ образцы своеобразнаго и утонченно-дикаго восточно-русскаго искусства. Не случайность, что Рябушинскіе содѣйствовали изданію великолѣпныхъ художественныхъ журналовъ, что въ московскихъ купеческихъ гостиницахъ, среди умной культурной новой русской буржуазіи, въ ея литературныхъ кружкахъ зародилось и расцвѣло новое искусство.

Символизмъ былъ проникнутъ интернационализмомъ. Въ немъ было очень мало національнаго. Правда, русскій народный художественный примитивъ игралъ огромную роль въ ростѣ символизма. Но стилизація русскаго народнаго искусства сочеталась со стилизаціей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Символизмъ былъ интернационаленъ въ томъ смыслѣ, что черезъ его русло западно-европейская литература модерна хлынула въ Россію широкимъ потокомъ, и въ видѣ переводовъ и въ видѣ подражаній. Великіе мастера западнаго декадана стали Россіи родными и близкими, какъ ея собственные художники. Всѣ вѣка и всѣ страны ожили въ этомъ искусствѣ.

На это почвѣ расцвѣлъ аристократическій индивидуализмъ. Внутренней болѣзнью, сжигающей душу символистовъ, былъ культъ личности, свободаго челоуѣка, который въ себѣ самомъ создаетъ великую культурность, выводящую за предѣлы реальнаго и земнаго.

Въ этомъ сквозила болѣзненная страстность символизма. Его патетическое воображеніе не выносило здоровья и уравновѣженности. Онъ тяготѣлъ къ неслыханнымъ эстетическимъ и этическимъ совершенствамъ, и растворялся въ какомъ-то художественномъ оргазмѣ въ упоеніи наркозами красоты.

1905 годъ былъ мгновеніемъ внутренняго перелома въ символизмѣ. Онъ вышелъ на улицу. Онъ бросился въ революціонную стихійность. Суверенный Верхарнъ сталъ властвовать въ немъ своимъ деспотическимъ обаяніемъ. Въ годы реакціи символизмъ жестоко расплатился за свое сниженіе до уровня уличной толпы. Реакція бросила ему навстрѣчу бывшую интеллигенцію. Возникъ уродливый популярный символизмъ, растворенный въ толпѣ и приспособленный къ ея вкусамъ. Его изящный эротизмъ превратился въ вульгарную порнографію. Его художественная дерзость стала хулиганствомъ.

Старинныя карты, 15.

СЛОНЪ — СЧАСТЬЕ.

Только что ставъ царственнымъ вѣнцомъ русской литературы символизмъ одичалъ и расплылся.

III.

Въ концѣ 1913 года вышелъ альманахъ „Грифъ“. Онъ подвѣдъ итоги десятилѣтію бурнаго развитія символизма. Онъ счаст

ливый образъ какъ бы объединилъ въ себѣ всю литературную современность.

Дальше путей не было. Одни его участники были совершенно исторгнуты изъ литературы, забыты и умерли литературной смертью, другіе остались въ рядахъ угасающаго символизма, но третьи—вступили на новые пути.

Дѣло въ томъ, что къ этому времени произошли два по разному важныхъ для литературы явленія. Въ 1914 году началось то исполненное культурное варварство, которое называется Мировой войной, и окончательно укрѣпился, какъ оформленное теченіе, футуризмъ.

Футуризмъ отрицалъ все старое, онъ отвергалъ классицизмъ вмѣстѣ съ декадентствомъ, онъ отрицалъ все прошлое. Футуризмъ—интернаціональное варварское явленіе.

Въ своихъ смягченныхъ формахъ футуризмъ примыкалъ къ символизму. Игорь Сѣверянинъ былъ эпигономъ символизма, и поэтому такъ легко къ его футуризму примкнули Брюсовъ и Сологубъ. Этотъ футуризмъ является отчетливо выраженнымъ продуктомъ утонченности буржуазнаго декаденса, переходящаго въ варварство, какъ все упадочныя эпохи. Ибо высшая культурность всегда соприкасается съ первобытностью, съ первобытною жестокостью, съ первобытною яростью и декадентскимъ восторгомъ передъ смертью и страданіемъ.

Но въ футуризмѣ,—который на Западѣ былъ эстетическимъ міросозерцаніемъ буржуазнаго империализма, а въ Россію пришелъ, какъ анархо-большевистское теченіе, и въ Совѣтской республикѣ сталъ официальнымъ искусствомъ „червоннаго империализма“,—заложены богатая возможность. Футуризмъ еще не искусство будущего, но онъ уже—прелюдія его.

Война оказала страшное, убійственное вліяніе на русскую литературу. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго и позорнаго въ художественномъ смыслѣ, чѣмъ тенденціозность, съ какой русскіе писатели и поэты окунулись въ мутный потокъ патріотизма. Патріотизмъ, оборона отечества, оказались роковыми словами для русскаго искусства. Нѣтъ двухъ мнѣній о томъ, что патріотизмъ ускорилъ процессъ разложенія литературы и сдѣлалъ ее примитивной и первобытно грубо-тенденціозной по своему содержанію.

Въ стремительномъ разсѣивающемъ и распыляющемъ литературѣ движеніи она, въ дни войны, погасла совершенно. Русской литературы не было.

Когда художники поняли невыносимую фальшь военныхъ стиховъ, поэмъ и разсказовъ, когда они почувствовали, какъ жестоко губитъ искусство патріотизмъ, они вообще отошли отъ всего реальнаго. И это былъ конецъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ бредовомъ безуміи революціонныхъ водоворотовъ, въ красномъ потокѣ гражданскихъ войнъ открылось новое лицо искусства. Иные, совершенно иные, или преображенные священными испытаніями, вышли поэты и мастера слова навстрѣчу болѣзненной и страстной красотѣ.

Литературныя теченія встрѣтились, вспѣнились исканіями, смѣшали свои пути въ новомъ синтезѣ, отреклись отъ старыхъ канонѣвъ, и совершенно заново, на дѣвственной почвѣ вырастили юный цвѣтникъ возрожденной литературы.

Старое слово, старая поэзія перестала быть реальной: искусство ничего не отражало въ себѣ, оно не знало и не чувствовало сегоднешняго дня. Насильственно его подчиняла себѣ старая техника слова, старые образы, и влекли за собой чувства. Какой-то новый мрачный реализмъ долженъ былъ родиться въ мятежный годъ, и онъ родился.

Только тотъ, кто волновался и трепеталъ революціей, въ силахъ найти неслыханныя созвучія. Только тотъ, кто погрузился въ кровавую стихію возстаній, паденій, ярости, отчаянія, надеждъ разочарованій... Ничто изъ старой литературы не годилось, чтобы выразить фантастическіе взлеты дней революціи. Все пришлось создавать снова. Декадентство кончилось. Кругъ развитія русской литературы завершился. Отъ варварства она пришла къ классицизму, отъ классицизма къ декадансу символизма, и отъ упадочничества—къ стихіи новаго литературнаго варварства, первыхъ дней рожденія новаго круга литературнаго развитія.

Сознать и углубить въ своемъ сознаніи понятіе о новой литературѣ, осмыслить смѣшеніе въ ней первобытно-грубой варварской народной стихіи и утонченную мощность художественно-техническаго наслѣдія трехъ старыхъ эпохъ, увидѣть и оправдать ея размахъ отъ примитива до футуризма, отъ роскошной нѣги пушкинскаго стиха до рѣзкаго ритмическаго вопля пролетарскаго искусства, почувствовать трепетъ огромнаго сердца русской красоты, бьющейся народной тревогой и звенящей во всемъ мірѣ своимъ всечеловѣческимъ набатомъ—это задача дня!

Ивановъ-Разумникъ говоритъ: „Если бы даже ничего иного не далъ русской литературѣ годъ революціи, (а онъ далъ намъ и стихи Н. Клюева, и поэмы Есенина и еще никѣмъ неоцѣненнаго изумительнаго „Котика Летаева“ Андрея Бѣлаго, и плачъ о „Погибели земли русской“ А. Ремизова), то все же, послѣ „Двѣнадцати“ и „Скитовъ“ Александра Блока, годъ революціи явился бы богатымъ годомъ русской литературы“.

Только лѣвые эсеры, романтики новаго народничества, о которыхъ въ русской литературѣ рѣчь еще будетъ впереди,—дали эти имена. А рабочая революція освѣщена рубиновымъ огнемъ творчества Владимира Маяковскаго, Григорія Петникова, Алексѣя Гастева, и сколько еще неузнанныхъ именъ восходить по первымъ ступенямъ литературной извѣстности...

Что казалось вчера неяснымъ видѣніемъ будущаго, сегодня уже возникаетъ въ потокѣ дней и творческихъ волненій. Великой красотой одарила революція русскую національную культуру. На порогѣ новаго цикла развитія своей литературы мы стоимъ, оцѣненные, ослѣпленные, озаренные могучимъ богатствомъ неизвѣданной и едва только понятой красоты.

Безъ сожалѣнія о погубленной классической старой красотѣ безъ воспоминанія о больномъ десятилѣтіи,—отъ войны до войны,—вырожденія русской литературы—броситься въ стремительный потокъ народнаго новаго, еще варварски-могучаго и плодотворнаго искусства, рожденнаго Россіей въ дни революціонныхъ испытаній!..

Въ багровомъ отсвѣтѣ восточно-европейскаго пожара возникаютъ слѣпящія, молніеносныя и страстныя—зарницы великой красоты.

Валентинъ Рожицынъ.

О неизданныхъ стихахъ.

Каждый день въ редакцію „Колосевъ“ приходятъ вереницы писемъ юношей и дѣвушекъ, которые посылаютъ свои произведенія, твердо увѣрены, что ихъ напечатаютъ, съ дѣтски-наивной тревогой ждутъ,—и разочаровываются...

Какъ много стиховъ! Какъ мало поэзи! Какъ много искренности! Какъ мало умѣнія!..

„Если все выше написанное, а также миниатюра, покажутся Вамъ бредомъ сумасшедшаго, то не найдется ли у Васъ свободной вакансіи редакціоннаго сторожа или мальчика. Страсть люблю быть причастнымъ къ печатному дѣлу“.

Такъ пишетъ изъ провинціи одинъ авторъ, который называетъ себя „полуголоднымъ интернаціоналистомъ“. И въ этихъ словахъ—великое томленіе духа. Не смѣшно. Это—мучительно и больно. Быть хоть сторожемъ въ редакціи, но стоять на стражѣ у входа въ таинственный храмъ литературы, любить ее и быть близкимъ къ ней...

У большинства ненапечатанныхъ авторовъ есть глубоко волнующая ихъ страсть къ печати, къ прекрасному слову.

Есть среди нихъ души мертвыя. Одинъ пишетъ на официальномъ бланкѣ отношеніе, чуть не за номеромъ такимъ-то, къ которому прилагается „1 экземпляръ стихотворенія „Рѣчка“. Чиновникъ, „кан-

целярекая крыса", съѣдѣлъ въ воскресенье на лоно природы, поглядѣлъ, какъ солнышко садится за лѣсокъ надъ рѣчкой, и рѣшилъ пропечататься.

Есть авторы упорные и настойчивые. „Несмотря на то, что я Вамъ уже посылалъ рукописи и оставался безъ отвѣта, я все-таки рѣшаюсь и буду рѣшаться въ посылкѣ въ дальнѣйшемъ". Сизифовъ трудъ! Писать, посылать, не получать отвѣта и снова упорно писать и посылать.

Большинство относится къ себѣ безъ всякой критики. Не даютъ себѣ никакого отчета о художественной цѣнности стиховъ, не спрашиваютъ о недостаткахъ. Просто посылаютъ то, что само собой „написалось", и увѣрены, что актъ ненапечатанія является злостнымъ актомъ, что редакция ихъ не понимаетъ, что авторовъ безъ имени нарочно не пускаютъ въ печать, что нужны какіе-то окольные пути, чуть не протекція...

Только одинъ пишетъ: „Было бы лестно знать авторитетное мнѣніе, въ чемъ недостатки. Я—рабочій, почти самоучка, служилъ въ арміи прапорщикомъ, теперь безъ работы".

Позволительно поставить этотъ же вопросъ передъ всѣми авторами: въ чемъ ихъ недостатки? Прежде всего въ томъ, что искусство поэзіи—огромный искусъ, требующій такой же долгой и упорной работы, какъ всякое другое „ремесло". Самоучкой по вдохновенію въ поэзіи быть нельзя. Надо умѣть сравнивать свои стихи съ произведеніями большихъ авторовъ, надо понимать, что техника искусства растетъ непрерывно, что вдохновеніе и умѣние должны слиться въ одно цѣлое, а безъ этого—риемованныя безцвѣтные строки нужны только самому автору для изліянія душевныхъ порывовъ.

„Не откажите въ любезности и вниманіи раздѣлить мои юношескіе порывы... Передъ Вами маленькая капля творчества вдохновенныхъ минутъ. Если Вы понимаете экспансивность и чуткость молодого сердца... Прилагаю при семъ плоды моей крошки „Музы"...

Это было бы пошло, если бы не сквозила огромная, безмѣрная наивность безсознательной увѣренности, что надъ „крошкой-Музой" такъ легко произвести насиліе, послать „ея плоды" въ любой журналъ, и это будетъ непременно напечатано.

Вотъ, первые два недостатка: отсутствіе самокритики, полное отсутствіе пониманія ритма, размѣра и риемы.

Оставимъ въ сторонѣ совершенно примитивныхъ авторовъ—юношей, для которыхъ поэзія—спутница переходного возраста и его неизбежныхъ психо-физиологическихъ томленій.

Есть много авторовъ, стихи которыхъ можно печатать и можно не печатать. Они по своему правы, требуя къ себѣ вниманія. Они пишутъ произведенія гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которые почему-то проходятъ черезъ печатный станокъ.

Фабрика. Голодь. Рабочій. Машина.

Стуки. Желѣзо. Огонь.

Двигатель. Молоть. Экцентрикъ. Пружина.

Смрадъ. Духота. Пыль и вонь.

Оси. Цилиндры. Колеса. Зубчатки.

Поршни. Динамо-моторъ.

Тяжко. Противно. Томительно. Гадко.

Ненависть. Горе. Позоръ.

Этотъ „эпическій каталогъ" болѣе мощно и своеобразно звучитъ, чѣмъ стихи, печатаемые въ случайно открытомъ листѣ газеты.

Не сердись, милый другъ, что такъ рѣдко пою,

И что грустенъ напѣвъ тихой пѣсни моей—

И сама бы я рада запѣть веселѣй,
Да нѣмая тоска гложетъ душу мою.

Второй отрывокъ напечатанъ,*) но онъ является сплошной поэтической пошлостью, а первый—останется въ редакціонномъ портфель, пока его авторъ не овладѣетъ собой, чтобы развить и оформить свое дарованіе. Второй авторъ—безнадеженъ, хотя печатается. Первый—не печатается, но за нимъ—будущее...

Среди безпорядочной груды непризнанныхъ твореній, посылаемыхъ въ редакцію, можно различить нѣчто общее, господствующее, отбрасывая въ сторону стихи абсолютно ничтожные. Есть нѣкоторыя эстетическія идеи, съ вершинъ литературы проникающія въ тѣ низы ея, откуда непрерывно посылаются въ журналы незрѣлые опыты.

Вотъ примѣръ.

„Подвигъ". Посвящаю безсмертію Г. В. Плеханова".

За дерзость смѣлыхъ пѣсно-
пѣній

Распяли молодость мою
На Черномъ Островѣ томленій
Въ океанномъ краю.

.....

Звучите, молодости струны,

Звучите въ солнцѣ и во мглѣ!

Ясно, конечно, что мотивъ взятъ у Игоря Сѣверянина. Соціалистъ Плехановъ и футуристъ Сѣверянинъ! Какой удивительный синтезъ долженъ былъ произойти въ душахъ юныхъ поэтовъ, чтобы слить въ одно цѣлое социализмъ и футуризмъ! И это нѣчто господствующее. Большинство авторовъ пережили революцію, какъ ея восторженные созерцатели или участники, и большинство изъ нихъ находится подъ мощнымъ влияніемъ футуризма, чаще всего Маяковского.

Дайте мнѣ, дайте мнѣ новыя

формы,

новыя формы стиха.

— О, — Вы,

приниженные къ плитамъ ас-
фальта,

цѣлующіе старые, рваные
мѣха.

.....

Я болтаюсь въ пѣнѣ вскры-
вавленной,

шаръ земной охватившей
собой...

Я—рабочій, войною зада-
вленный,

Безпощадной, безбожной вой-
ной.

Опять вмѣстѣ—футуризмъ и социалистическій протестъ про-
тивъ войны.

Другой пишетъ:

Зачѣмъ грозите аэропланами и подводными лодками?

Вы являетесь ловкими

Другъ для друга,

Играя винтовками.

Я жъ

Буду цвѣтами перевить расти,

Плунувъ на сотый этажъ

Вашей хитрости.

Короли, герцоги, императоры,

Мірскихъ знаете смыслъ ноть ли вы?

Снова Маяковский и снова революція.

Черезъ ворота футуризма въ поэзію врывается современность. Для этихъ поэтовъ футуризмъ становится крайнимъ реалистиче-скимъ способомъ изображать жизнь и волненія революціонной Рос-сіи. И почти безъ сомнѣнія можно сказать, что тѣ авторы, которые пишутъ привычными старыми стихами, витаютъ въ отвлеченной, совершенно нереальной сферѣ своей фантазіи, какъ будто жизни кругомъ совершенно нѣтъ.

*) „Возрожденіе", № 126. Лидія Гондель.

Роданта.

Арпкинада.

Я ходилъ за Лелемъ, видѣлъ тайны лѣса,
Много разсказала мнѣ вѣтвей завѣса.
Все, что видѣлъ въ чащѣ зелени смолистой,
Все, что подсмотрѣлъ я въ глубинѣ озеръ,
Слушай, разскажу я въ этой сказкѣ чистой.

Или отрывокъ другого автора:

Ужели не вернуть весенней сказки, пѣсень,
Любимыхъ грезъ и вась, мои мечты?..
Мнѣ мнѣ земной не чуждъ, но онъ мнѣ какъ-то тѣсень...
Ужели не вернуть весенней сказки, пѣсень?

ВЪ КНИГАХЪ.

АЛЕКСѢЙ ГАСТЕВЪ (И. Дозоровъ). Поэзія рабочаго удара. Петроградъ, 1918.

Въ подзаголовкѣ этой книги сказано: „Изданіе „Пролеткульта“. Государственная типографія № 1“. Это—первая книга, изданная Центромъ пролетарской культуры при Совѣтской республикѣ. Предисловіе издательства полагаетъ книгу А. Гастева первымъ камнемъ въ основѣ фундамента новой рабочей культуры. „Пролетариату надо развернуть передъ человѣчествомъ безконечныя перспективы гармоничнаго совершенствованія; ему надо пересмотрѣть движеніе человѣческой мысли и сдѣлать ее болѣе широкой и смѣлой, ему нужно создать свою мораль, свое искусство, чтобы освѣтить вселенную яркимъ свѣтомъ“.

Рушить, не разбирая, весь ветхій міръ и заново строить исполнинское зданіе—дѣло вѣковъ. Преждевременно подводить итоги, тѣмъ болѣе выражая ихъ въ безвкусныхъ и мало говорящихъ фразахъ. Литература не ломается внезапными поворотами. Новыя чувства и настроенія все еще вынуждены пользоваться техникой стараго искусства для своего выраженія.

Къ книгѣ А. Гастева мы подходимъ не какъ къ началу сверхъ-исторической культурной революціи. Мы видимъ въ ней книгу своеобразную, но образующую звено въ литературной эволюціи, которая началась не вчера и не сегодня, не по декрету верховныхъ комиссаровъ Совѣтской республики, а въ силу длительного роста пролетарскаго эстетическаго сознанія въ обстановкѣ капиталистическаго города.

Уже много лѣтъ тому назадъ Германія узнала формы революціонно-соціалистической поэзіи въ стихахъ Гервега, „железнаго жаворонка“, который послѣ 1871 года, одновременно съ рожденіемъ империализма, привѣтствовалъ пролетариатъ, какъ носителя мірового будущаго. Ослабительное сіяніе Берхарна исходитъ изъ рабочей Бельгіи и напоминаетъ о десятилѣтіяхъ работы надъ творчествомъ новой красоты. Россіи, гордящейся Максимомъ Горькимъ, не новъ пролетарскій социализмъ въ художественной литературѣ.

Но если А. Гастевъ стоитъ не въ началѣ возникновенія пролетарскаго искусства, то онъ, несомнѣнно, стоитъ въ развѣтѣхъ своей собственной литературной работы.

Въ своей книгѣ онъ собралъ разнородныя и разноцѣнныя художественныя произведенія. Здѣсь есть разсказы, стихи и поэмы въ прозѣ. О стихахъ не будемъ говорить. Экзотическая роскошь современной поэзіи затмеваетъ собой робкіе ритмы художника, который свою цѣнность полагаетъ не въ стихахъ и не въ разсказахъ. Разсказы А. Гастева не внесли бы ничего новаго въ литературное искусство, если бы за ними не слѣдовали своеобразныя, особыя поэмы, звучащія, какъ трубный сигналъ шестивія новой красоты.

Неоформленная стихійная громада образовъ и звуковъ, міръ желѣзной фантазіи, оркестры заводовъ, увертюры, сыгранныя исполнинскими смычками на стальныхъ корпусахъ броненосцевъ и локомотивовъ...

Въ присылаемыхъ грудяхъ писемъ есть много такого, что будетъ всегда писаться, отсылаться въ редакціи и погибать въ корзинахъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ вообще художественныя журналы. Но есть какая-то новая струя, бьющая сквозь бумажный потокъ стиховъ и возникшая только теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что современность вызываетъ къ жизни много поэтическихъ дарованій, еще незрѣлыхъ и неоформленныхъ.

Въ борьбѣ съ трудной техникой стиха, въ работѣ надъ своими стихійными волненіями, эти поэты найдутъ себя, ихъ трудъ не пропадетъ даромъ. Они, эти юноши и дѣвушки, съ замираніемъ и трепетомъ посылающіе свои ранніе стихи, когда-нибудь станутъ властями русской литературы...

„Отрядъ молодыхъ женщинъ вышелъ впередъ съ зелеными хвоями и разбросалъ ихъ кругомъ по заводу. Дѣти поднялись на балки и стропила и закружились воздушными хороводами. Горны подняли огненные вѣера на сажень кверху и пріоткрыли невиданные театры. По рельсамъ въѣхали въ заводъ, задыхаясь, локомотивы и паровозы, остановились, какъ вкопанные, и своими гудками грянули гимнъ, который былъ слышенъ на десять верстъ“.

Въ теченіе тысячелѣтій кружились нимфы и музы въ пѣвѣ, щемя зеленѣющемъ саду земного рая. Теперь поэтъ заставилъ мусическія празднества совершаться подъ изогнутыми стропилами, арками и сѣтью проводовъ и ремней въ желѣзномъ грохочущемъ аду завода.

Возможно ли это? Въ кругу зрѣнія А. Гастева погасло солнце, но свѣтитъ огненный глазъ доменныхъ печей; исчезли лѣса и облачная лазурь надъ ними, но прямолинейно, упрямо высятся трубы, и змѣятся дымныя тучи надъ ними; разсѣялась таинственная сфера твореній изъ глубины мечты и нѣжнаго звука, но вырастаетъ творчество вещей, предметныхъ величій, строительство міра, созиданіе нестройной и воющей громады техническихъ чудесъ.

Кажется, что живой человѣкъ замѣнился металлическимъ механизмомъ, и міръ заселился гигантами, автоматически движущимися подъ гнетомъ пара и электричества, вмѣсто ума и нервовъ. Но только кажется... Смыслъ поэзіи А. Гастева въ томъ, что онъ неизмѣнно возвеличиваетъ человѣка, до безконечности умножившаго свою умственную и мускульную силу техникой.

Человѣкъ, а не механизмъ!

— „Фамилія моя Васильевъ. У насъ на заводѣ Васильевыхъ триста двадцать пять... Я—одинъ изъ нихъ“...

Пушкинъ—единственный, неповторенный. Абсолютная индивидуальность. Слесарей Васильевыхъ на одномъ только заводѣ 325. Въ отдѣльности каждый—ничто. Вмѣстѣ—они творцы и художники, болѣе вдохновенные, чѣмъ всѣ великіе поэты прошлаго, болѣе могучіе, чѣмъ сѣдой Богъ христіанскихъ легендъ, истомившіеся шестидневнымъ строительствомъ міра. Они, эти рабочіе, не утомляются, и трудъ созиданія міра разжигаетъ ихъ страсть, ихъ волю къ творенію, къ нагроможденію чудесъ, къ риску и самопожертвованію, къ безцѣльной прелести грандіозныхъ замысловъ.

А. Гастевъ неудержимъ въ своей фантазіи. Утомляя и напрягая нервы читателя, онъ швыряетъ одну на другую свои желѣзныя грезы, kloкочущія и стремительныя, какъ вѣера искръ изъ плавильной печи.

Для этой стихіи мало, недостаточно привычной намъ прозы, ея не сдержатъ въ себѣ рамки стиха. Поэтому новыя формы пролетарскаго искусства требуютъ революціи слова. Ни стихи, ни проза, но ритмическая проза, требующая величайшей сложности техники, которой, однако, А. Гастевъ въ достаточной степени не обладаетъ. Живая и жизнотворческая утопія его поэматическаго эпоса нуждается въ болѣе сильныхъ словахъ и сочетаніяхъ словъ, чѣмъ тѣ, которыми онъ пользуется.

Уже ломая старый русский язык, сочетая реализмъ описанія съ фантастикою образовъ и футуристически рѣзкой, своенравной красотой линій литературнаго рисунка, А. Гастевъ пробиваетъ путь для своей поэзіи, какъ тоннельъ сквозь каменный сводъ, сквозь тяжелыя глыбы оцѣпенѣвшихъ русскихъ литературныхъ формъ.

Путь намѣченъ вѣрный. Ритмическій эпосъ, стоящій за пределами прозы и стиха, выдвинутъ, какъ формальная задача новаго искусства. Но работа надъ разрѣшеніемъ эстетическаго задания будетъ огромна и трудна, — для самого А. Гастева и для тѣхъ художниковъ, которые съ одинаковой техникой и однороднымъ міросозерцаніемъ будутъ одновременно съ нимъ вести борьбу за литературное укрѣпленіе пролетарскаго искусства.

В. Р-нѣ.

ЕВГЕНІЙ АЛМАЗОВЪ. АЛЕКСАНДРЪ ГИНЪ. Огоньки. Харьковъ, 1918.

Изданіе этой маленькой тетрадки стиховъ объясняется, вѣроятно, невозможностью сдѣлать ихъ доступными читающей публикѣ въ иной формѣ, ибо ни въ какомъ періодическомъ изданіи, даже при самомъ снисходительномъ отношеніи редакціи, появленіе въ печати такихъ стиховъ едва ли имѣло бы мѣсто.

А. Гинъ исчерпывающимъ образомъ характеризуетъ себя слѣдующимъ сочетаніемъ словъ:

Хоть жизнь теперь пошла, ужасна!
Хоть грязью скверной поросла,
Хоть горе шествуетъ всевластно —
И торжествуетъ такъ Мошна —

Это стихотвореніе, подобное вѣсь прочимъ, еще не самое плохое. Поэтъ чувствуетъ себя революціонеромъ, и славословитъ баррикадный бой болѣе горячо, чѣмъ грамотно:

Геройствомъ женщинъ поражаются
Враги... не менѣ дѣтей,
Что вмѣстѣ съ взрослыми стрѣляли
Въ войска противной стороны..

Е. Алмазовъ безсмысленно ставитъ ударенія въ стихахъ:
Крутитъ тихо, потомъ сильно..
Потомъ съ шумомъ громовымъ.

Образы для выраженія своихъ чувствъ онъ выбираетъ до крайности неудачно:

Цвѣтеть, какъ розы терній, тоска по свѣтлой жизни.
Я рвусь впередъ, я мчусь порой, какъ угорѣлый.

Не надо рваться, не надо метаться, не надо издавать плохихъ стиховъ!

Впрочемъ, то обстоятельство, что негодные стихи издаются отдѣльными книжками, подтверждаетъ фактъ усиленія интереса къ поэзіи даже въ кругахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ изящной литературѣ.

Примѣчаніе Редакціи: вслѣдствіе болѣзни Феликса Яковлевича Кона, въ этомъ номерѣ „Колосъ“ очередная глава Воспоминаній не могла пойти.

Редакторы: Ф. Конъ и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

ВѢДОМСТВО МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, 1-й частный ХАРЬКОВСКІЙ УЧИТЕЛЬСКІЙ ИНСТИТУТЪ (съ двухгодичнымъ курсомъ) для лицъ обоого пола (занятія вечернія). Учрежд. А. І. НОВИКОВЫМЪ.

Во главѣ педагогическаго дѣла стоятъ **ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ** высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній г. Харькова.

При институтѣ имѣются всѣ необходимыя научно-педагогическія пособія и физическій кабинетъ.

Открытъ приемъ на I и III семестры. На I семестръ принимаются безъ экзамена лица, окончившія высш. начальн. училище или 4 класса реального училища и гимназіи. На III семестръ приемъ безъ экзамена, съ аттестатами средне-учебныхъ заведеній, для неимѣющихъ свидѣт. приемные экзамены съ 10 по 15 сентября новаго стиля.

При институтѣ открыты краткосрочные учительскіе курсы, готовящ. на званіе народнаго и домашняго учителя-цы. Помимо обязательныхъ предметовъ въ институтѣ будутъ проходить: литература украинская и западно-европейская, политическая экономія, новые и древніе языки. Справки и приемъ прошеній ежедневно отъ 10—12 час. дня и отъ 3—8 ч. веч., кромѣ праздниковъ. Инород. отвѣтъ за пять 25 коп. марокъ. Харьковъ, Пушкинская ул., д. № 20, помѣщеніе гимназіи Поповой.

ВѢДОМСТВО МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 8-ми кл. МУЖСКАЯ и 8-ми кл. ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ (ВЕЧЕРНІЕ КУРСЫ),

учрежден. А. І. НОВИКОВЫМЪ.

ВО ГЛАВѢ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ДѢЛА СТОЯТЪ **ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ** (высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній г. Харькова).

Слушатели, выдержавъ экзаменъ при своихъ гимназіяхъ, получаютъ ВСѢ ПРАВА правительственныхъ гимназій.

Въ теченіе учебнаго года проходитъ курсъ двухъ классовъ (по особо-упрощенному лекціонному методу, дающему возможность большую часть проходимаго матеріала усваивать въ классѣ). **ГЛАВНАЯ ЦѢЛЬ ГИМНАЗІИ**, помимо сообщенія формальныхъ знаній, способствовать широкому всестороннему развитію умственнаго кругозора учащихся, для этого особое вниманіе обращено на прохожденіе русской, украинской и западно-европейской литературы; за лучшія сочиненія-рефераты по постановленію педагогическаго совѣта будутъ присуждаться награды и назначаться стипендіи. При гимназій имѣются всѣ необходимыя научно-педагогическія пособія и физическій кабинетъ. Открытъ приемъ во всѣ классы. Зачисленіе производится въ порядкѣ подачи прошеній. Справки и приемъ прошеній ежедневно, отъ 10—12 дня и отъ 3—8 вечера, кромѣ праздниковъ.

Харьковъ, Пушкинская ул., д. 20, помѣщеніе гимн. Поповой.

Для пригородныхъ жителей начало и окончаніе занятій совпадаетъ съ расписаніемъ движенія пригородныхъ поѣздовъ.

„КОЛОСЬЯ“

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
выходящій въ г. Харьковѣ въ изданіи „Соціалистической Мысли“ подъ редакціей
ФЕЛИКСА КОНА и ВАЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА. Журналъ основ. Союзомъ Интерна-
ціоналистовъ Дѣятелей Искусства.

Въ „Колосьяхъ“ печатаются Воспоминанія Феликса Кона, которыя затѣмъ выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книжкой, документы охраннаго отдѣленія, портреты, справки, донесенія и т. д.

„Колосья“—безпартійный журналъ, ставящій своей цѣлью распространеніе среди пролетаріата и трудовой интеллигенціи идей и произведеній современнаго искусства.

Въ „Колосьяхъ“ печатаются рассказы, стихотворенія, критическія статьи, статьи эстетическія и изслѣдованія о народномъ искусствѣ, музыкѣ, театрѣ и т. д., фельетоны, литературные и политическіе шаржи, отзывы о новыхъ книгахъ, художественныхъ выставкахъ, театральныхъ постановкахъ.

Журналъ посвященъ какъ русскому, такъ и международному искусству, печатая переводы наиболѣе выдающихся современныхъ авторовъ, поэтовъ и критиковъ Запада.

Журналъ богатъ украшеніемъ рисунками, оригинальными и репродукціями, заставками, концовками, виньетками, фронтисписами и т. д.

Въ художественномъ отдѣлѣ „Колосьевъ“ работаютъ художники „Союза Семи“ (Бобрицкій, Косаревъ, Мищенко, Цибисъ и др.), Маркинъ, Розенбергъ, художница Роданта и рядъ другихъ.

Рассказы, стихотворенія и другой художественный матеріалъ редакція принимаетъ независимо отъ направленій, по художественной цѣнности.

Присылаемая въ редакцію рукописи должны быть написаны четко или на пишущ. машинкѣ, на одной сторонѣ листа и въ копіяхъ, а не въ оригиналахъ, потому что, въ виду изобилія рукописей, редакція не ручается за ихъ сохраненіе и возвращеніе авторамъ.

Секретарь редакціи принимаетъ по понедѣльникамъ и средамъ отъ 11 до 1 ч. дня въ помѣщеніи „Соціалистической Мысли“ (Николаевская площ., д. Гор. Управы), редакторъ—у себя на дому (Чернышевская ул., № 35) по воскресеньямъ отъ 12 до 1 ч. дня. Пріемъ объявленій и подписки—въ конторѣ „Соціалистической Мысли“.

Въ „Соціалистической Мысли“ принимается корреспонденція на имя редакціи и книги для отзыва.

Цѣна отдѣльнаго номера—1 р. 25 к., въ мѣсяцъ—4 рубля.

Объявленія: Строка петита до текста 3 руб. и послѣ текста 2 руб. строка петита.

ПРИЙМАЕТСЯ ПЕРЕДПЛАТА

на тижневу українську робітничу газету

„Слово“

Орг. Харьковск. Ком.

Укр. С.-Д. Роб. Партіі.

„СЛОВО“ посвящено потребамъ широкихъ українскихъ трудящихся мас і найбільшу увагу звертатиме на освітлення всіхъ найважливішихъ родівъ соціально-політичного, національного й культурного життя всієї України, зокрема Слобожанщини.

„СЛОВО“ боронитиме інтереси Українського робітництва й звертатиме особливу увагу на життя всіхъ українськихъ організацій, зокрема „Просвіт“ і иньш.

До співробітництва запрошено: т.т. Винниченка, Петлюру, Порша, Садовського, Д. Антоновича, С. Веселовського й инь.

Власні кореспонденти запрошено зъ Києва, Катеринослава, Луганська, Бахмута й зъ більшости повітовихъ міст і значнішихъ центрівъ Слобожанщини.

Передплата: 1 міс. 2 крб., до кінця року з 1-го вересня 8 крб.

Контора й редакція: Харьков, Подольский пер. 9, кім. 26.